

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559

Научная статья / Research article

Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве

Д.А. Белашенко, В.В. Толкачев, И.Ф. Шоджонов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

После распада СССР существовавшие экономические и политические связи между новыми независимыми государствами предоставляли возможности для развития интеграции. Однако интеграционные процессы на постсоветском пространстве на практике отмечены большим количеством противоречий, разнонаправленных тенденций и попыток более или менее углубленного сотрудничества в рамках различных объединений государств. В статье на основе системного анализа рассматривается состояние интеграционных процессов на постсоветском пространстве в последнее десятилетие с акцентом на Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) для получения целостной, комплексной картины текущей ситуации во взаимосвязи с предыдущими событиями, а также последовательного раскрытия условий развития интеграционных процессов, выделения аспектов, их определяющих, и причинно-следственных связей в международно-политических процессах на постсоветском пространстве. С помощью структурно-функционального анализа авторы исследуют механизмы функционирования соответствующих акторов в современной обстановке и оценивают эффективность механизмов их деятельности в меняющихся условиях. В статье выделяются следующие элементы: исследование этапов интеграционных процессов в регионе, выявление факторов, оказывающих на них влияние, анализ и сравнение статистических торгово-экономических показателей стран — участниц ЕАЭС, а также перспективы развития интеграции на постсоветском пространстве. Применение SWOT-анализа позволяет определить потенциальные сильные и слабые факторы развития ЕАЭС, оценить возможности и риски участия Российской Федерации в данной организации, сформулировать вероятные сценарии дальнейшего функционирования Союза. На основе анализа макроэкономических показателей, политических и экономических процессов в рамках союза России, Казахстана, Беларуси, Армении и Киргизии авторами делается вывод о высоком риске противоречий в этих сферах в отношениях между странами ЕАЭС, что делает наиболее вероятным сценарий дальнейшего развития интеграционных процессов параллельно с нарушением сроков реализации первоначальных планов. Кроме того, существенным фактором является недостаточно проработанный механизм преодоления интеграционных кризисов по сравнению с Европейским союзом. В качестве перспектив развития ЕАЭС наиболее оптимальным путем видится его трансформация в некую экономико-политическую организацию, то есть экономический либо экономический и валютный союз с элементами общей политики в области безопасности для реагирования на современные кризисы, в качестве фактора усиления межгосударственных связей в рамках как Евразийского экономического союза, так и всего постсоветского пространства.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), постсоветское пространство, кризисные явления, украинский кризис, трансформация, межгосударственное взаимодействие

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666.

Для цитирования: Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543—559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559

© Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space

D.A. Belashchenko, V.V. Tolkachev, I.F. Shodzhonov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University,
Nizhni Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article examines the state of integration processes in the post-Soviet area over the past decade, with a focus on the Eurasian Economic Union (EAEU), which has contributed to a holistic, comprehensive picture of the current situation with previous developments, consistent disclosure of the conditions for the development of integration processes, highlighting opportunities for the development of integration processes, their defining, designations of cause-and-effect relationships in international political processes in the region. With structural and functional analysis, presented by the mechanisms of functioning of the relevant factors of efficiency in the modern environment and to assess the mechanisms of their activity in changing conditions, the following elements are distinguished in the work: study of the stages of integration processes in the region, identification of factors influencing, analysis and comparison of statistical trade and economic indicators of the EAEU member states, as well as the prospects for the development of integration in the post-Soviet space. The use of SWOT analysis makes it possible to identify potential and weak factors in the development of the EAEU, assess the possibilities for the participation of the Russian Federation in this organization, using possible scenarios for the further functioning of the EAEU. Based on the analysis of macroeconomic indicators, political and economic processes within Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan, the authors conclude that there is a high risk of contradictions in these areas in relations between the EAEU countries, which suggests the most likely scenario for the further development of integration processes in violation of the deadlines implementation of plans. The financial factor is the insufficient mechanism for overcoming integration ties in comparison with the European Union. As a prospective development of the EAEU, the most optimal way is seen as its transformation into a kind of economic and political organization.

Key words: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, post-Soviet space, crisis events, Ukrainian crisis, transformation, interstate interaction.

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 20-011-00666.

For citation: Belashchenko, D.A., Tolkachev, V.V. & Shodzhonov, I.F. (2020). Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (3), 543—559. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559

История евразийской интеграции

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) позиционируется в качестве наиболее успешной и перспективной организации постсоветского пространства [Евразийская экономическая интеграция... 2019: 4—11; Внешняя политика стран СНГ 2017: 28—30]. Несмотря на недолгий период существования данного объединения¹ и относительно немногочисленный

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 1 октября 2019 г.). URL:

состав², именно ЕАЭС на сегодняшний день является наиболее стабильной международной

<http://docs.cntd.ru/document/420205962> (дата обращения: 04.02.2020).

² Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Минск, 10 октября 2014 г.) (ред. от 11.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286812&fld=134&ds_t=1000000001,0&rnd=0.33124806899739556#0700735508176952 (дата обращения: 04.02.2020); Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

организацией на пространстве бывшего СССР. В то же время история евразийской интеграции и ее практического воплощения в виде сближения экономик России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии не ограничивается исключительно последними пятью годами.

В контексте развития региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве можно выделить несколько этапов. В частности, российский исследователь Ю.Ю. Кофнер определяет три этапа: «декларативный» (1991—2000 гг.), «институциональный» (2000—2008 гг.) и «фактический» (с 2008 г. по настоящее время)³.

Первый период характеризуется поиском возможных путей развития интеграции на постсоветском пространстве и попытками реализации крупных системных проектов (например, Содружества Независимых Государств (СНГ), Таможенного и Экономического союзов, Союзного государства России и Беларуси). Однако экономические трудности, отсутствие реального опыта в интеграционном строительстве и неготовность политических элит новых независимых государств «жертвовать» частью суверенитета для тесного сотрудничества и сближения привели к тому, что потенциально перспективные международные организации превратились в «интеграционные фальстарты»⁴, а СНГ использовался лишь как инструмент «цивилизованного развода» [Зиядуллаев, Зиядуллаев 2016: 56]. Однако именно к «декларативному» этапу относится актуализация идеи евразийской интеграции и создания Евразийского союза, что обычно принято связывать с выступлениями президента Казахстана Н.А. Назарбаева в марте 1994 г.

(Москва, 23 декабря 2014 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=321512&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3727007514587892#08731526816516291> (дата обращения: 04.02.2020).

³ Кофнер Ю.Ю. Теория современной евразийской интеграции: I. Терминология и история // Евразийские исследования. 31.12.2018. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11127> (дата обращения: 04.02.2020).

⁴ Там же.

«Институциональный» этап развивался быстро и неравномерно. В качестве важных характеристик следует отметить выделение «интеграционного ядра» в составе Беларуси, России и Казахстана (причем последние две страны переживали в тот период подъем национальных экономик, обусловленный «нефтяным бумом»⁵ [Ляхоўскі, Сашына 2010]), появление новых международных организаций на постсоветском пространстве (Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского банка развития (ЕАБР)). Однако появление малочисленных группировок снижало эффективность общей интеграции (прежде всего СНГ). Кроме того, общие проекты замедляли и политические изменения, получившие название «цветных революций», а также рост интереса внешних акторов (НАТО, Европейского союза) через различные программы (например, «Восточное партнерство»). Все эти факторы во многом стали причиной быстрого сворачивания «институционального» этапа и перехода к фактической интеграции [Оправдание евразийской интеграции 2015].

«Фактический» этап, продолжающийся до сих пор, характеризуется ускоренной интеграцией (2010 г. — Таможенный союз⁶, 2011 г. — зона свободной торговли СНГ⁷, 2012 г. — Единое экономическое

⁵ Евразийская экономическая интеграция: Цифры и факты // Евразийская экономическая комиссия. 2017. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/2597_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B_17.pdf (дата обращения: 04.02.2020).

⁶ Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан в г. Душанбе 06.10.2007). URL: <https://legalacts.ru/doc/dogovor-o-sozdanii-edinoi-tamozhennoi-territorii-i/> (дата обращения: 04.02.2020).

⁷ Договор о зоне свободной торговли (Санкт-Петербург, 18 октября 2011 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121497&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.326215975951919#027851977690370155> (дата обращения: 04.02.2020).

пространство⁸, 2015 г. — ЕАЭС⁹)¹⁰. Последний на сегодняшний день является пока вершиной всех интеграционных процессов, имевших место на постсоветском пространстве¹¹, хотя между декларацией о необходимости его организации и фактическим созданием прошло 20 лет.

По прошествии пяти лет с момента начала функционирования ЕАЭС можно констатировать, что евразийская интеграция осуществляется, пусть и невысокими темпами, но без существенных кризисов и спадов. В то же время достижения Союза сосуществуют с целым комплексом проблем, которые в перспективе могут стать системными¹². Это касается и непосредственно экономического фактора (о чем речь пойдет ниже), и определенной политической оппозиции внутри элит государств — участников ЕАЭС относительно данного интеграционного проекта. Чтобы понять причины и предпосылки текущей ситуации, следует обратиться к истокам интеграции на постсоветском пространстве, а также проанализировать особенности условий, в которых задумывался Евразийский экономический союз и на практике реализовывались идеи евразийской интеграции.

В современной отечественной и зарубежной литературе за последние годы сформировалось несколько направлений исследований евразийской интеграции

в целом и Евразийского экономического союза в частности. Работы российских авторов затрагивают такие аспекты, как особенности развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Оправдание евразийской интеграции 2015; Толкачев, Чалбаева 2015; Внешняя политика стран СНГ 2017], современное состояние и перспективы развития Евразийского экономического союза как наиболее перспективной и институционализированной организации региона [Зиядуллаев, Зиядуллаев, 2016; Журавлева, Тутаева 2018]. В то же время кризисные явления (например, Евромайдан и его последствия) и противоречия между государствами — участниками ЕАЭС, оказывающие существенное влияние на темпы и уровень интеграции, также находят отражение в трудах российских исследователей [Скриба 2014; Дурдыева 2015; Лапенко 2014; Белашенко, Войнов 2019; Скриба, Алтухов 2019] и их коллег из стран — членов Союза [Астапеня, Балкунец 2016].

Зарубежные авторы, прежде всего публикующиеся в европейских и американских изданиях, рассматривают евразийскую интеграцию и деятельность ЕАЭС с точки зрения разных аспектов. При этом общий спектр оценок современного состояния и перспектив Союза является достаточно обширным: от признания реальных экономических достижений организации [Golam, Monowar 2018; Bayramov, Vreban, Mukhtarov 2019; Libman 2019] до акцентирования внимания на недостаточном потенциале и наличии противоречий между участниками [Sergi 2018; Pieper 2020], а также на кризисных явлениях в рамках постсоветского пространства [Rasmussen, Struwe, Hoffmann, Pradhan-Blachet, Kidmose et al. 2014; Charap, Colton 2017; Getting Out from “In-Between”... 2018].

Также можно отметить, что за последние годы увеличилось число работ, посвященных перспективам дальнейшего расширения ЕАЭС за счет других государств постсоветского пространства (прежде всего из Центральной Азии) [Samokhvalov 2016; Libman 2017; Golam, Monowar 2018]. Кроме того, ряд исследователей продолжают рассматривать

⁸ Соглашение о формировании Единого экономического пространства (19 сентября 2003 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1715> (дата обращения: 04.02.2020).

⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 1 октября 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420205962> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁰ Подробнее об аспектах интеграции в начальные годы «фактического» этапа см.: [Толкачев, Чалбаева 2015].

¹¹ Евразийская экономическая интеграция — 2019. Доклад № 52. М.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2019. С. 18. См. также: [Журавлева, Тутаева 2018].

¹² Турабекова Р., Семак Е., Довгань Е. Евразийский экономический союз: интеграция между идеальным и реальным // Минский диалог. 02.11.2017. URL: https://minskdialogue.by/Uploads/Files/research/reports/pdf/EAEU_report.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

ЕАЭС в качестве геополитического инструмента, используемого Россией для установления региональной гегемонии на части территории бывшего СССР [Kirkham 2016; Sergi 2018].

Благодаря использованию системного анализа в статье дается характеристика состояния интеграции в рамках ЕАЭС в последнее десятилетие с целью получения целостной, комплексной картины интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. Анализ текущей ситуации в исторической ретроспективе позволяет авторам последовательно раскрыть условия развития взаимоотношений соответствующих государств, выделить определяющие их аспекты в политике и экономике, обозначить причинно-следственные связи в международно-политических процессах в регионе.

Трансформация постсоветского пространства и региональные кризисные явления

За неполные тридцать лет существования постсоветского пространства этот регион прошел через ряд существенных трансформаций, конфликтов и кризисов. К ним можно отнести снижение влияния «традиционных» международных организаций, «цветные революции», «дилемму интеграций» [Дурдыева 2015], появление «замороженных» конфликтов и непризнанных государств, украинский кризис и его последствия и т. д. Иногда эти процессы оказывали существенное влияние не только на темпы региональной интеграции, но и постбиполярную систему международных отношений¹³ [Rasmussen, Struwe, Hoffmann, Pradhan-Blachet, Kidmose et al. 2014; Getting Out from “In-Between”... 2018].

В течение 1990—2000-х гг. новые независимые государства (прежде всего, в Восточной Европе и Закавказье) фактически столкнулись с «дилеммой интеграции», выбирая между «европейским» (ЕС) и

«российским» (сначала в виде СНГ, а затем в форме евразийской интеграции) проектами. Вплоть до середины 2000-х гг. в международных отношениях в регионе наблюдался определенный баланс, позволявший государствам постсоветского пространства сохранять и развивать сотрудничество с обеими сторонами. Это объяснялось ориентацией местных экономик преимущественно на российский рынок, сменой характера системы экономических отношений, относительно низкой активностью европейских государств в данном регионе, а также опасениями политических элит новых независимых государств относительно возможной утраты части недавно полученных суверенитета и независимости [Скриба 2014].

Как уже отмечалось, с конца 2000-х гг. на постсоветском пространстве наблюдается конкуренция двух интеграционных проектов — российского (евразийского) и европейского. Это дало повод некоторым отечественным и зарубежным исследователям заявить о возникновении «дилеммы интеграций», при которой «государство рассматривает интеграцию соседей в закрытые для него экономические и/или военные блоки и организации как угрозу собственной безопасности и благополучию»¹⁴. В принципе, евразийский проект стал реакцией на стремительное продвижение ЕС к российским границам, когда в первом десятилетии текущего века к европейскому проекту присоединились государства бывшего социалистического блока, а также страны Балтии, входившие ранее в состав СССР. Кроме того, Грузия, Молдавия и Украина с середины 2000-х гг. активно проводят политику, направленную на присоединение именно к ЕС [Кирилко 2016].

Дилемма евразийской и европейской интеграций предполагает выбор исключительно одного варианта. По большей части оба проекта сейчас направлены на привлечение тех стран постсоветского пространства, которые

¹³ Тренин Д.В. Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества // Московский центр Карнеги. 15.10.2014. URL: <https://carnegie.ru/2014/10/15/ru-pub-56935> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁴ Троицкий М., Чарап С. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2013. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetskom-prostranstve-16177> (дата обращения: 04.02.2020).

еще не примкнули ни к одной из сторон. Участие в любой из организаций предполагает как непосредственные экономические и репутационные выгоды, так и существенные потери и издержки для потенциальных членов [Скриба, Алтухов 2019]. Соответственно, своеобразная конкуренция интеграционных объединений сказывалась как на уровне отношений Москвы и Брюсселя, так и восприятии их проектов и инициатив новыми независимыми государствами.

Необходимо подчеркнуть, что декларирование идей евразийской интеграции, ее институционализация и непосредственная реализация на практике осуществлялись в совершенно разных условиях как внутри постсоветского пространства, так и на международной арене. Если конец XX в. прошел под девизом «цивилизованного развода» бывших союзных республик [Зиядуллаев, Зиядуллаев 2016: 56; Samokhvalov 2016] и поиска наиболее оптимального варианта выстраивания отношений, 2000-е гг. обозначили внутренний раскол региона и начало активной конкуренции двух интеграционных проектов, то уже в следующем десятилетии произошел ряд значимых событий, которые, с одной стороны, ознаменовали успех евразийской интеграции, а с другой — поставили под вопрос ее дальнейшие перспективы и судьбу постсоветского пространства в целом. К последним относится, прежде всего, украинский кризис, ставший, в том числе, следствием «дилеммы интеграций» [Charap, Colton 2017].

Украинский кризис стал одним из самых масштабных процессов, происходивших на постсоветском пространстве, и одним из самых знаковых событий в рамках современной системы международных отношений. Смена политического режима на Украине, выход Крыма из ее состава, конфликт на Донбассе и образование двух новых непризнанных государств, резкое ухудшение отношений между Киевом и Москвой имели далеко идущие последствия как для региона, так и евразийской интеграции¹⁵. События 2014 г. в

¹⁵ Тренин Д.В. Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества // Московский центр

перспективе могли стать причиной отказа от создания ЕАЭС или переноса реализации данного проекта на более поздний срок¹⁶. Подобные прогнозы давали, в частности, европейские и американские исследователи¹⁷.

В российском экспертном сообществе сложилось несколько точек зрения относительно масштабов влияния украинского кризиса на развитие евразийской интеграции:

- 1) отсутствие влияния;
- 2) стимулирование процессов интеграции;
- 3) окончательный выход Украины из процессов евразийской интеграции;
- 4) серьезный вызов и угроза для евразийской интеграции [Лапенко 2014].

Несмотря на довольно широкий спектр мнений по данному вопросу, часть из них не получила практического подкрепления. Восприятие России на постсоветском пространстве после событий 2014 г. существенно изменилось. Партнеры по евразийской интеграции официально не признали присоединение Крыма к России и не поддержали позицию Москвы по конфликту на Донбассе. Кроме того, в политических и экспертных кругах государств региона начала набирать силу точка зрения, согласно которой евразийские инициативы России (в том числе

Карнеги. 15.10.2014. URL: <https://carnegie.ru/2014/10/15/ru-pub-56935> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁶ Караганов С.А. ЕАЭС: от замедления к углублению // Российский совет по международным делам. 05.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/eaes-ot-zamedleniya-k-uglubleniyu/> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁷ Образ Евразийского экономического союза в западных СМИ // Российский институт стратегических исследований. 26.04.2016. URL: <https://riss.ru/analytcs/29806/> (дата обращения: 04.02.2020); Popescu N. Eurasian Union: The Real, the Imaginary and the Likely // Chaillot Paper. No. 132. September 2014. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/C_P_132.pdf (accessed: 04.02.2020); Strzelecki J. The Eurasian Economic Union: A Time of Crisis // OSW Commentary. January 27, 2016. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_195.pdf (accessed: 04.02.2020); The Eurasian Economic Union. Analyses and Perspectives from Belarus, Kazakhstan, and Russia // Friedrich Ebert Stiftung. February 2015. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11181.pdf> (accessed: 04.02.2020).

и создание ЕАЭС) являются не только инструментами экономического сотрудничества, но и механизмами распространения своего политического влияния в регионе [Sergi 2018; Белащенко, Войнов 2019: 28].

Стимулом для развития евразийской интеграции украинский кризис выступил лишь отчасти. Несмотря на введение антироссийских санкций со стороны США и ЕС, процесс создания ЕАЭС не был остановлен, а в целом продолжился. Тем не менее Россия не решилась на кардинальный пересмотр внешнеполитических приоритетов, что могло позволить перенаправить освободившиеся ресурсы на интенсификацию евразийской интеграции. Также следует отметить, что «дилемма интеграций» не утратила своей актуальности для государств постсоветского пространства, особенно ближайших партнеров России в регионе — Беларуси и Казахстана.

В то же время украинский кризис негативно повлиял на отношения России с указанными странами, что не могло не сказаться на темпах евразийской интеграции и эффективности деятельности ЕАЭС [Астапеня, Балкунец 2016]. В Минске и Астане (ныне — Нур-Султане) неоднократно делали показательные заявления относительно поддержки и критики евразийской интеграции¹⁸, роли России в данном процессе и национальных интересах своих стран¹⁹. Примером ухудшения отношений между партнерами по ЕАЭС является недавний спор России и Беларуси относительно поставок нефти²⁰ и заявлений

¹⁸ Лукашенко: Евразийская интеграция поворачивается вспять // Радио Свобода. 05.03.2019. URL: <https://www.svoboda.org/a/29804574.html> (дата обращения: 04.02.2020); Саруар А. Казахстан раскритиковал Россию за торговые барьеры в ЕАЭС // LS. 06.11.2019. URL: <https://www.lsm.kz/kazakhstan-raskritikoval-rossiyu-za-torgovye-bar-ery-v-eaes> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁹ Лукашенко отказался быть вассалом России // Pravda News. 19.08.2018. URL: <http://pravdanews.info/lukashenko-otkazalsya-byt-vassalom-rossii.html> (дата обращения: 04.02.2020); Токаев назвал приоритеты внешней политики Казахстана // Today. 26.11.2019. URL: <http://today.kz/news/kazakhstan/2019-11-26/787646-tokaev-nazval-prioritetyi-vneshnej-politiki-kazahstana/> (дата обращения: 04.02.2020).

²⁰ Третья нефтяная. Как Беларусь и Россия воевали из-за нефти // News.21.By. 03.01.2020. URL:

<https://news.21.by/economics/2020/01/03/1953888.html> (дата обращения: 04.02.2020).

президента А.Г. Лукашенко о фактической блокировке Москвой закупок Минском энергоресурсов в Казахстане²¹. Причинами данных изменений вполне можно считать наличие и у Беларуси, и у Казахстана (пусть и в гораздо меньшей степени) тех же этнических и лингвистических проблем, обострившихся в период внутривосточного противостояния на Украине. Также не стоит забывать о традиционных опасениях постсоветских элит о возможности «имперского реванша» со стороны России.

В частности, подобные опасения характерны для государств Центральной Азии, о чем подробно написано в докладе «Постмайданные контуры евразийской интеграции: трансформация ограничителей и перспектив», опубликованном в 2014 г.²², причем речь идет не только о Казахстане и Киргизии, но и потенциальных участниках евразийских проектов — Таджикистане и Узбекистане. Так, авторы выделяют несколько угроз для евразийской инициативы в контексте украинского кризиса:

1) позиционирование интеграционных процессов как средства вовлечения центральноазиатских государств в российскую сферу политического влияния;

2) оценка евразийской интеграции как непосредственной угрозы суверенитету государств Центральной Азии;

3) информационная политика, направленная на размывание представления населения об общем историческом прошлом в рамках Российской империи и СССР;

4) позиционирование внешней политики России в контексте украинского кризиса как «экспансионистской» (например, проведение параллелей между Крымом и Северным

<https://news.21.by/economics/2020/01/03/1953888.html> (дата обращения: 04.02.2020).

²¹ Лукашенко заявил, что РФ выступила против поставок нефти из Казахстана в Белоруссию // Интерфакс. 21.01.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/692052> (дата обращения: 04.02.2020).

²² Мурзагалеев Р.И., Михайличенко Д.Г. Постмайданные контуры евразийской интеграции: трансформация ограничителей и перспектив. Уфа, 2014. URL: <http://antiterrortoday.com/images/docs/Doklad%20EvRES%2019.07.2014.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

Казахстаном). В связи с этим акцентируется внимание на том, что Россия утратила «моральное право» на осуществление своей «мягкой силы» в регионе;

5) концентрирование общественного мнения вокруг тезисов об экономической невыгодности и несостоятельности евразийских интеграционных проектов и инициатив. Евразийские структуры характеризуются как «поверхностные», «авторитарные», «коррупционные», где большую роль играет российский протекционизм;

6) апеллирование к националистической идеологии²³.

Несмотря на то, что данные идеи пока не получили широкого распространения, пример Украины наглядно демонстрирует, как националистические лозунги могут использоваться для достижения политических целей. Активное внедрение подобных идей в информационное поле центральноазиатских государств может способствовать как обострению внутривнутриполитической ситуации в отдельных странах региона, так и влиять на интеграционные процессы и их восприятие в обществе.

На данный момент украинский кризис является незавершенным процессом. Если внутривнутриполитическая ситуация на Украине за последние годы относительно стабилизировалась, то последствия, напротив, продолжают оказывать непосредственное влияние на международные процессы. Соответственно, от политики участников евразийской интеграции зависит будущее ЕАЭС и других проектов. В случае изменения позиций политических элит (прежде всего, Беларуси и Казахстана) интеграционные процессы, развивающиеся хоть и недостаточно интенсивно, но устойчиво, могут оказаться перед угрозой затухания или эрозии.

²³ Мурзагалеев Р.И., Михайличенко Д.Г. Постмайданные контуры евразийской интеграции: трансформация ограничителей и перспектив. Уфа, 2014. С. 7, 13—14. URL: <http://antiterrortoday.com/images/docs/Doklad%20EvES%2019.07.2014.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

Экономический фактор развития евразийской интеграции

Если обратиться к анализу торгово-экономической составляющей как основы интеграции ЕАЭС, можно сказать, что, несмотря на последствия санкций зарубежных государств в отношении России из-за ситуации вокруг Украины, ответных российских санкций, ослабления курса рубля, снижения стоимостных объемов экспорта минеральных продуктов и т.д., тем не менее, статистика ЕАЭС постепенно выправляется. Хотя в 2015—2016 гг. наблюдалось значительное сокращение объемов торговли стран Евразийского экономического союза как во внешней, так и во взаимной торговле по сравнению с 2014 г., с 2017 г. уже очевиден рост, несмотря на некоторое сокращение объемов внешней и взаимной торговли в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (см. табл. 1).

Вместе с тем при явном прогрессе как в динамике, так и развитии соответствующих совместных инициатив нельзя назвать торгово-экономическую составляющую интеграции в рамках ЕАЭС центральной и значимой по сравнению с объемами торговли с некоторыми странами-партнерами вне группировки и рассматривать ее в качестве надежной базы, на которую можно будет опираться в перспективе.

Во-первых, доминирующее место во взаимной торговле товарами в ЕАЭС занимает, конечно, Российская Федерация (удельный вес России в поставках в целом по союзу — почти 65 %, а если учитывать и закупки, то почти 97 %), а среди двустороннего взаимодействия — отношения России с Беларусью и Казахстаном (около 60 и 30 % соответственно). В свою очередь, объемы взаимной торговли в других комбинациях стран крайне малы: товарооборот Армении и Киргизии даже нельзя, например, округлить до 0,01 % общей доли, а все товарные торговые операции без участия России составляют лишь 2 млрд из 60 млрд долл. США общего товарооборота (см. табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Внешняя и взаимная торговля (сумма взаимных экспортных операций стран ЕАЭС) товарами Евразийского экономического союза, в млн долл. США (2014—2019 гг.) / Foreign and Mutual Trade (Total Amount of Mutual Export Operations of the EAEU Countries) in Goods of the Eurasian Economic Union, in millions USD (2014—2019)

Объемы торговли / Amounts of Trade	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Внешняя торговля / Foreign trade	873 099,7	579 382,5	509 372,7	634 193,7	753 836,4	733 140,1
Экспорт / Exports	555 618,0	373 845,1	308 264,8	386 922,4	490 722,0	459 343,4
Импорт / Imports	317 481,7	205 537,4	201 107,9	247 271,3	263 114,4	273 796,7
Взаимная торговля / Mutual trade	61 183,3	45 615,7	42 960,3	54 711,6	60 261,5	61 034,1
Армения / Armenia	323,9	256,2	393,9	571,0	688,5	760,9
Беларусь / Belarus	16 179,1	11 007,8	11 384,8	13 651,0	13 932,2	14 549,0
Казахстан / Kazakhstan	7 155,1	5 120,3	3 930,2	5 262,6	6 046,8	6 317,2
Киргизия / Kyrgyzstan	637,6	410,2	447,1	541,5	640,6	621,1
Россия / Russia	36 887,6	28 821,2	26 804,3	34 685,5	38 953,4	38 785,9

Источник / Source: составлено авторами на основе статистических отчетов Евразийской экономической комиссии / compiled by the authors on the basis of statistical reports of the Eurasian economic commission (Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: Статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2019. С. 11—12, 19. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Int_2018.pdf (дата обращения: 15.02.2020); Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2018. С. 15, 22—24. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Ext_2018.pdf (дата обращения: 15.02.2020); Об итогах внешней и взаимной торговли товарами государств — членов Евразийского экономического союза, январь — декабрь 2019 // Евразийская экономическая комиссия. 2019. С. 1—3. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/December2019.pdf (дата обращения: 15.02.2020)).

Во-вторых, если сравнивать внешнюю торговлю стран — участниц, то стоимостная значимость по объемам будет невысокой. Например, в 2018 г. во внешней торговле товарами Российской Федерации наибольшие объемы наблюдались с КНР, ФРГ и Нидерландами; во внешней торговле Казахстана — с Италией, КНР и Нидерландами; Беларуси — с Украиной, КНР и ФРГ; Киргизии — с КНР, Великобританией и Турцией; Армении — с КНР, ФРГ и Ираном (табл. 3).

Как видно из данных, приведенных в табл. 2 и 3, наибольший объем внешней торговли России среди стран ЕАЭС приходится на Беларусь (примерно 35 млрд долл. США), что, тем не менее, значительно меньше аналогичного показателя торговли с Нидерландами, замыкающими тройку лидеров среди

внешнеторговых партнеров России. В остальных государствах Союза ситуация немного иная. Российская Федерация почти для всех является основным торговым партнером, только для Киргизии товарооборот с Китаем немного опережает российский.

Таким образом, доминирующая роль России в торгово-экономических отношениях стран — партнеров по Евразийскому экономическому союзу может нести риск затягивания реализации или отторжения идей интеграции из-за опасения со стороны политико-экономических элит стран ЕАЭС перед неким «имперским реваншем», «экономической угрозой» и т.п., несмотря на объективность доминирования российской экономики по сравнению с экономиками других стран Союза.

Таблица 2

Взаимная торговля среди стран —
членов ЕАЭС в 2018 г.

Страны	Млн долл. США	Удельный вес, в %	
ЕАЭС	60 261,5	100,0	
В том числе:			
Беларусь — Россия	35 913,7	59,6	100,0
Беларусь → Россия	12 990,7		36,2
Россия → Беларусь	22 923,0		63,8
Казахстан — Россия	18 321,1	30,4	100,0
Казахстан → Россия	5 279,9		28,8
Россия → Казахстан	13 041,2		71,2
Армения — Россия	2 017,0	3,35	100,0
Армения → Россия	665,8		33,0
Россия → Армения	1 351,2		67,0
Киргизия — Россия	1 996,2	3,31	100,0
Киргизия → Россия	358,2		17,9
Россия → Киргизия	1 638,0		82,1
Казахстан — Киргизия	927,2	1,54	100,0
Казахстан → Киргизия	656,9		70,8
Киргизия → Казахстан	270,3		29,2
Беларусь — Казахстан	888,6	1,47	100,0
Беларусь → Казахстан	783,5		88,2
Казахстан → Беларусь	105,1		11,8
Беларусь — Киргизия	132,5	0,22	100,0
Беларусь → Киргизия	120,5		90,9
Киргизия → Беларусь	12,0		9,1
Армения — Беларусь	49,4	0,08	100,0
Армения → Беларусь	11,9		24,1
Беларусь → Армения	37,5		75,9
Армения — Казахстан	14,7	0,02	100,0
Армения → Казахстан	9,8		66,5
Казахстан → Армения	4,9		33,5
Армения — Киргизия	1,1	0,00	100,0
Армения → Киргизия	1,0		88,1
Киргизия → Армения	0,1		11,9

Table 2

Volumes of Mutual Trade among the EAEU
Member-states in 2018

Countries	Millions USD	Share, %	
EAEU	60 261.5	100.0	
Including:			
Belarus — Russia	35 913.7	59.6	100.0
Belarus → Russia	12 990.7		36.2
Russia → Belarus	22 923.0		63.8
Kazakhstan — Russia	18 321.1	30.4	100.0
Kazakhstan → Russia	5 279.9		28.8
Russia → Kazakhstan	13 041.2		71.2
Armenia — Russia	2 017.0	3.35	100.0
Armenia → Russia	665.8		33.0
Russia → Armenia	1 351.2		67.0
Kyrgyzstan — Russia	1 996.2	3.31	100.0
Kyrgyzstan → Russia	358.2		17.9
Russia → Kyrgyzstan	1 638.0		82.1
Kazakhstan — Kyrgyzstan	927.2	1.54	100.0
Kazakhstan → Kyrgyzstan	656.9		70.8
Kyrgyzstan → Kazakhstan	270.3		29.2
Belarus — Kazakhstan	888.6	1.47	100.0
Belarus → Kazakhstan	783.5		88.2
Kazakhstan → Belarus	105.1		11.8
Belarus — Kyrgyzstan	132.5	0.22	100.0
Belarus → Kyrgyzstan	120.5		90.9
Kyrgyzstan → Belarus	12.0		9.1
Armenia — Belarus	49.4	0.08	100.0
Armenia → Belarus	11.9		24.1
Belarus → Armenia	37.5		75.9
Armenia — Kazakhstan	14.7	0.02	100.0
Armenia → Kazakhstan	9.8		66.5
Kazakhstan → Armenia	4.9		33.5
Armenia — Kyrgyzstan	1.1	0.00	100.0
Armenia → Kyrgyzstan	1.0		88.1
Kyrgyzstan → Armenia	0.1		11.9

Источник / Source: составлено авторами на основе статистических отчетов Евразийской экономической комиссии / compiled by the authors on the basis of statistical report of the Eurasian economic commission (Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2019. С. 11—12. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Int_2018.pdf (дата обращения: 15.02.2020)).

Таблица 3

Внешняя торговля государств ЕАЭС по странам-лидерам в 2018 г. (без учета стран ЕАЭС)

Государства ЕАЭС	Страны-лидеры по объему внешней торговли	Экспорт, млн долл. США (округленно)	Импорт, млн долл. США (округленно)	Оборот, млн долл. США (округленно)	Доля в общем обороте, %
Армения	Китай	107,2	630,9	738,1	14,04
	Швейцария	337,5	127,8	465,3	8,85
	Германия	136,1	290,8	426,8	8,12
Беларусь	Украина	4 062,2	1 402,9	5 465,2	15,32
	Китай	481,9	3 158,6	3 640,5	10,21
	Великобритания	3 068,3	314,1	3 382,5	9,48
Казахстан	Италия	11 734,3	1 485,5	13 219,8	17,71
	Китай	6 307,5	5 384,2	11 691,7	15,67
	Нидерланды	6 186,1	307,8	6 494,0	8,70
Киргизия	Китай	61,2	1 942,3	2 003,5	46,30
	Великобритания	670,0	11,0	681,0	15,74
	Турция	104,3	290,2	394,5	9,12
Россия	Китай	56 019,4	52 229,4	108 248,7	17,08
	Германия	34 184,3	25 513,3	59 697,6	9,42
	Нидерланды	43 440,3	3 693,6	47 133,9	7,43

Table 3

Foreign Trade Volumes of the EAEU Member-states by Leading Countries in 2018 (excluding the EAEU countries)

EAEU States	Leading countries in terms of foreign trade	Exports, millions USD (rounded)	Imports, millions USD (rounded)	Trade volume, millions USD (rounded)	Share in trade volume, %
Armenia	China	107.2	630.9	738.1	14.04
	Switzerland	337.5	127.8	465.3	8.85
	Germany	136.1	290.8	426.8	8.12
Belarus	Ukraine	4 062.2	1 402.9	5 465.2	15.32
	China	481.9	3 158.6	3 640.5	10.21
	United Kingdom	3 068.3	314.1	3 382.5	9.48
Kazakhstan	Italy	11 734.3	1 485.5	13 219.8	17.71
	China	6 307.5	5 384.2	11 691.7	15.67
	Netherlands	6 186.1	307.8	6 494.0	8.70
Kyrgyzstan	China	61.2	1 942.3	2 003.5	46.30
	United Kingdom	670.0	11.0	681.0	15.74
	Turkey	104.3	290.2	394.5	9.12
Russia	China	56 019.4	52 229.4	108 248.7	17.08
	Germany	34 184.3	25 513.3	59 697.6	9.42
	Netherlands	43 440.3	3 693.6	47 133.9	7.43

Источник / Source: составлено авторами на основе статистических отчетов Евразийской экономической комиссии / compiled by the authors on the basis of statistical reports of the Eurasian economic commission (Внешняя торговля с третьими странами, географическое распределение, статистические таблицы, 2018 год, уточненные данные // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2018/12-180.aspx (дата обращения: 15.02.2020)).

Перспективы развития ЕАЭС и евразийской интеграции

В целях усиления темпов интеграции, минимизации рисков на мировых рынках, связанных со спецификой торгуемых товаров, а также развития интеграционных процессов и привлечения в объединение новых участников вероятным путем может оказаться включение в повестку дня вопросов безопасности, особенно касающихся борьбы с терроризмом, этническим и религиозным экстремизмом и организованной преступностью. В этом плане в случае расширения Союза вполне логичным представляется объединение ЕАЭС с ОДКБ с реформированием последней под вызовы и угрозы, актуальные для стран — участниц.

Говоря о перспективах дальнейшего развития ЕАЭС в современных условиях, следует выделить факторы, непосредственно влияющие на процессы интеграции на постсоветском пространстве, такие как: внешнеполитический, экономический и социальный.

Внешнеполитический фактор включает в себя:

1) интерес стран ЕАЭС к дальнейшей интеграции: экономическая интеграция в своем абсолютном представлении (реализация четырех свобод — передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы) является идеальным вариантом для стремительного роста влияния региона на мировой арене;

2) расширение влияния — как самого Союза, так и стран в отдельности — в Центральной Азии. Особенно важным это представляется для Российской Федерации [Hattori 2016; Libman 2017];

3) конкуренцию со стороны других государств и их проектов взаимодействия [Sergi 2018; Pieper 2020].

Экономический фактор базируется на следующих аспектах:

1) самом факте происходящей экономической интеграции стран — участниц ЕАЭС, при этом реализация межправительственных проектов с разной степенью и сроками эффективности остается важным элементом развития объединения;

2) разноуровневом потенциале экономик стран — участниц ЕАЭС, поскольку экономическое развитие накладывает определенный отпечаток на расширение взаимодействия среди членов Союза;

3) наличии противоречий в сфере экономики и торговли между странами — членами Союза [Bayramov, Breban, Mukhtarov 2019].

Социальный фактор определяется:

1) миграционной политикой государств — участников Союза. Проведение грамотной миграционной политики по отношению к гражданам ЕАЭС может значительно усилить степень экономической и политической интеграции внутри организации;

2) созданием новых рабочих мест. Данный фактор выступает одним из наиболее значимых в экономической интеграции ввиду позитивного влияния на социальную сферу стран — участниц Союза;

3) отсутствием адаптационного потенциала в рамках трудовой миграции населения стран — участниц ЕАЭС. Создание широкой сети поддержки и сопровождения интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество государства — члена Союза в перспективе должно оказать прямое влияние на развитие свободного передвижения рабочей силы [Kirkham 2016].

От степени влияния этих факторов зависит то, по какому сценарию будет развиваться ЕАЭС:

1) преодоление внутренних противоречий и стимулирование дальнейшего расширения и углубления сотрудничества;

2) отсутствие общего видения развития, постепенная формализация и замедление интеграционных процессов;

3) постепенная дезинтеграция [Golam, Monowar 2018].

Рассматривая каждый из сценариев, можно отметить, что вариант с преодолением противоречий и активным развитием ЕАЭС может быть реализован только в условиях полного доверия между участниками и оформления общих целей и интересов. Единая позиция по таможенному и торговому вопросам, устранение торговых барьеров,

реализация базовых нормативных документов Евразийского экономического союза в практическом ключе, гармонизация экономического законодательства стран — участниц — прямой путь к усилению интеграции [Libman 2019].

Кроме того, возможное присоединение Таджикистана и Узбекистана, а также сближение ЕАЭС с Туркменистаном повысит международный авторитет организации, увеличит ее ресурсный и логистический потенциал, а также усилит степень ее влияния в Центральной Азии в целом [Vinokurov 2017].

Однако в данном сценарии присутствуют риски, связанные с тем, что при интеграции других центральноазиатских государств в систему ЕАЭС возникнет серьезный дисбаланс в плане экономического развития участников. С одной стороны, это усилит нагрузку на других членов организации, вынужденных «подтягивать отстающих» (хотя разноскоростная интеграция изначально подразумевает подобный подход). С другой стороны, расширение ЕАЭС за счет государств Центральной Азии может привести к росту социального недовольства внутри «стран-локомотивов» Союза, поскольку на новый уровень выйдет проблема трудовой миграции.

Таким образом, налицо своеобразная дилемма, поскольку значимость Центральной Азии для евразийской интеграции отрицать сложно, как и большой интерес к региону со стороны Китая, США, Турции, Ирана и других влиятельных стран. В то же время расширение влияния ЕАЭС в данном регионе за счет привлечения новых членов должно учитывать все экономические и социально-экономические аспекты, которые могут негативно повлиять на развитие самой организации и ее отдельных участников.

Второй сценарий, связанный с замедлением и формализацией работы ЕАЭС, определяется тем, что, несмотря на экономическую интеграцию, государства продолжают преследовать свои сугубо национальные интересы, которые препятствуют стабильному углублению и расширению связей внутри объединения. Попытка защиты внутренних рынков не способствует росту внутреннего

товарооборота. Замедление развития ЕАЭС может отрицательно сказаться на уровне его восприятия на международной арене.

На современном этапе развития евразийской интеграции данный сценарий представляется достаточно актуальным, поскольку ее ускоренные темпы развития, характерные для периода 1994—2015 гг., не способствовали планомерной работе по устранению экономических и особенно политических противоречий между участниками. События последних лет наглядно демонстрируют, что практически каждая страна имеет собственное видение дальнейшего развития ЕАЭС, порой не совпадающее с официальными целями организации. Кроме того, периодически возникающая напряженность в двусторонних отношениях между участниками или обострение региональной нестабильности уже не раз негативно сказывались на уровне развития евразийской интеграции.

Именно эти факторы отрицательно отражаются на имидже ЕАЭС на международной арене. В отличие от европейской интеграции, где процесс создания ЕС занял несколько десятилетий, форсированные темпы евразийской интеграции в условиях трансформации постсоветского пространства зачастую не только не устраняли существующие противоречия, но и выступали в качестве их катализатора.

Третий сценарий (дезинтеграция) может быть скорее связан с внешними факторами для региона, которые могут быть представлены разнообразными программами и проектами, предлагаемыми отдельным участникам ЕАЭС со стороны Европейского союза, Китая, США, а также Турции и Ирана (хоть и в меньшей степени), что будет способствовать снижению интеграционной активности в рамках ЕАЭС. Кроме того, обострение конфликтов этнической направленности может также служить препятствием для создания благоприятной внешнеполитической атмосферы для интеграции в рамках ЕАЭС.

На сегодняшний день из-за сохраняющегося высокого риска политических и экономических противоречий в отношениях между

странами ЕАЭС (например, между Россией и Беларусью по поводу поставок энергоресурсов и т. п.) наиболее вероятным сценарием развития событий представляется сочетание интенсификации интеграционных процессов со спадом темпов интеграции и замедлением развития ЕАЭС. Это подразумевает определенные достижения в интеграции, хотя и с отставанием сроков реализации первоначальных планов. Высокая зависимость от такой политико-экономической конъюнктуры кардинально отличает Евразийский экономический союз от Европейского союза, который находит пути преодоления интеграционных кризисов (например, помощь Греции во время долгового кризиса, обозначение перспектив расширения ЕС за счет Западных Балкан на фоне выхода Великобритании).

В данных условиях, как уже отмечалось, наиболее оптимальным путем развития ЕАЭС

является его трансформация в некую экономико-политическую организацию, то есть экономический (или дополнительно и валютный) союз с элементами общей политики в области безопасности для реагирования на кризисы современного мира. Акцент на стратегическом планировании, усилении системной составляющей интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, выработке путей выхода из кризисов на основе консенсуса может значительно усилить межгосударственную связь в рамках Евразийского экономического союза. Кроме того, это позволит проводить стабильный курс на сближение стран в рамках всего постсоветского пространства и сделать ЕАЭС более привлекательным для других государств региона.

Поступила в редакцию / Received: 13.05.2020

Принята к публикации / Accepted: 22.07.2020

Библиографический список

- Астапеня Р., Балкунец Д.* Беларуска-расійскія дачыненні на фоне канфлікту ва Украіне. Мінск — Лондан: Ostrogorski Centre, 2016.
- Белашенко Д.А., Войнов А.А.* Влияние украинского кризиса на евразийскую интеграцию: проблемы, последствия, перспективы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 27—31.
- Внешняя политика стран СНГ* / ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2017.
- Дурдыева А.А.* Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42). С. 134—140.
- Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России:* доклад НИУ ВШЭ. XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9—12 апреля 2019 г. / отв. ред. Т.А. Мешкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Журавлева Г.П., Тутаева Д.Р.* ЕАЭС как новый этап международной интеграции // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 4 (100). С. 190—196. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-4-190-196
- Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н.* СНГ и Евразийский экономический союз: история, современность, стратегии развития // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 2. С. 55—63.
- Кирилко Д.С.* Політичний аспект відносин країн-членів ГУАМ із Європейським Союзом // Науковий вісник Дипломатичної академії України. 2016. № 23 (2). С. 120—126.
- Лапенко М.В.* Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза // Connections: The Quarterly Journal. 2014. Т. XIV. № 1. С. 132—149. DOI: 10.11610/connections.rus.14.1.06
- Ляховські У.В., Сашына В.Я.* Станаўленне Мытнага Саюзу Беларусі, Казахстана і Расіі ў рамках Еўразійскай Эканамічнай Супольнасці // Актуальные вопросы таможенного дела. Вып. 1. 2010. С. 14—22. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/35545/1/lyakhovsky_sashina_2010_1_CA_issues.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
- Оправдание евразийской интеграции* / под ред. А. Мухина. М.: Алгоритм, 2015.

- Скриба А.С. Вызовы и перспективы Евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 3. С. 96—111.
- Скриба А.С., Алтухов А.О. Влияние политических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 51—70. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70
- Толкачев В.В., Чалбаева А.А. Перспективы развития интеграционных объединений на постсоветском пространстве: опыт таможенного союза России, Беларуси, Казахстана // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 428—432.
- Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E. Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52. No. 3. P. 209—225. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.07.001
- Charap S., Colton T.J. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. Routledge, 2017.
- Getting Out from “In-Between”: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia* / Ed. by S. Charap, A. Demus, J. Shapiro. RAND Corporation, 2018. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (accessed: 04.02.2020).
- Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163—172. DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001
- Hattori M. The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia // *Russian and East European Studies*. 2016. Vol. 2016. No. 45. P. 135—155. DOI: 10.5823/jarees.2016.135
- Kirkham K. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 111—128. DOI: 10.1016/j.euras.2015.06.002
- Libman A. Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined // *Rising Powers Quarterly*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 81—103.
- Libman A.M. Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the “Global Script” // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 2. С. 247—268. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268
- Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia’s Defensive Regionalism and China’s New Silk Roads // *International Politics*. 2020. DOI: 10.1057/s41311-020-00244-6
- Rasmussen M.V., Struwe L.B., Hoffmann R., Pradhan-Blachet F., Kidmose J. et al. *The Ukraine Crisis and the End of the Post-Cold War European Order: Options for NATO and the EU*. Centre for Military Studies University of Copenhagen. June 2014. URL: https://cms.polsci.ku.dk/english/publications/ukrainecrisis/Ukraine_Crisis_CMS_Report_June_2014.pdf (accessed: 04.02.2020).
- Samokhvalov V. On the Edges: Post-Soviet Eurasia and Its Periphery // *University of Cambridge Repository*. 2016. P. 1—27. URL: https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/254890/Samokhvalov-2016-Perspectives_on_European_Politics_and_Society-AM.pdf?sequence=1 (accessed: 04.02.2020).
- Sergi B.S. Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-economics and Half-political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52—60. DOI: 10.1016/j.euras.2017.12.005
- Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 54—70. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.02.004

References

- Astapenya, R. & Balcones, D. (2016). *Belarusian-Russian Relations against the Background of the Conflict in Ukraine*. Minsk — London: Ostrogorski Centre publ. (In Belorussian).
- Bayramov, V., Breban, D. & Mukhtarov, E. (2019). Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression. *Communist and Post-Communist Studies*, 52 (3), 209—225. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.07.001
- Belashchenko, D.A. & Voynov, A.A. (2019). Impact of the Ukrainian Crisis on Eurasian Integration: Problems, Consequences, Prospects. *Gumanitarnye Problemy Voennogo Dela*, 2, 27—31. (In Russian).
- Charap, S. & Colton, T.J. (2017). *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. Routledge.
- Charap, S. Demus, A. & Shapiro, J. (Eds.). (2018). *Getting Out from “In-Between”: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF382/RAND_CF382.pdf (accessed: 04.02.2020).

- Degterev, D.A. & Kurylev, K.P. (Eds.). (2017). *Foreign Policy of the CIS Countries*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Durdyeva, A.A. (2015) Integration Dilemma within the Eurasian Space in the Context of the Ukrainian Crisis. *MGIMO Review of International Relations*, 3 (42), 134—140. (In Russian).
- Golam, M. & Monowar, M. (2018). Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*, 9 (2), 163—172. DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001
- Hattori, M. (2016). The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia. *Russian and East European Studies*, 45, 135—155. DOI: 10.5823/jarees.2016.135
- Kirilko, D.S. (2016). Political Aspect of the Relations of Member Countries GUAM with the European Union. *Scientific Bulletin of the Diplomatic Academy of Ukraine*, 23 (2), 120—126. (In Ukrainian).
- Kirkham, K. (2016). The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*, 7 (2), 111—128. DOI: 10.1016/j.euras.2015.06.002.
- Lapenko, M.V. (2014). The Ukrainian Crisis and Its Impact on the Implementation of the Project to Create the Eurasian Economic Union. *Connections: The Quarterly Journal*, XIV (1), 132—149. DOI: 10.11610/connections.rus.14.1.06. (In Russian).
- Libman, A. (2017). Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined. *Rising Powers Quarterly*, 2 (1), 81—103.
- Libman, A.M. (2019). Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the “Global Script”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12 (2), 247—268. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268
- Lyakhovskiy, V.V. & Sashina, V.Y. (2010). Formation of the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia within the Eurasian Economic Community. *Topical Issues of Customs*, 1, 14—22. (In Belorussian). URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/35545/1/lyakhovskiy_sashina_2010_1_CA_issues.pdf (accessed: 04.02.2020).
- Meshkova, T.A. (Eds.). (2019). *Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives for Russia*: Report of the Higher School of Economics. 20th April International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, April 9—12. Moscow: Izdatelskiy dom Vysshei shkoly ekonomiki publ. (In Russian).
- Mukhin, A. (Eds.). (2015). *Justification of Eurasian Integration*. Moscow: Algoritm publ. (In Russian).
- Pieper, M. (2020). The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia’s Defensive Regionalism and China’s New Silk Roads. *International Politics*. DOI: 10.1057/s41311-020-00244-6
- Rasmussen, M.V., Struwe, L.B., Hoffmann, R., Pradhan-Blachet, F., Kidmose, J. et al. (2014). *The Ukraine Crisis and the End of the Post-Cold War European Order: Options for NATO and the EU*. Centre for Military Studies University of Copenhagen, June. URL: https://cms.polsci.ku.dk/english/publications/ukrainecrisis/Ukraine_Crisis_CMS_Report_June_2014.pdf (accessed: 04.02.2020).
- Samokhvalov, V. (2016). On the Edges: Post-Soviet Eurasia and Its Periphery. *University of Cambridge Repository*, 1—27. URL: [https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/254890/Samokhvalov-2016-Perspectives on European Politics and Society-AM.pdf?sequence=1](https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/254890/Samokhvalov-2016-Perspectives%20on%20European%20Politics%20and%20Society-AM.pdf?sequence=1) (accessed: 04.02.2020).
- Sergi, B.S. (2018) Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political “Janus Bifrons”. *Journal of Eurasian Studies*, 9 (1), 52—60. DOI: 10.1016/j.euras.2017.12.005
- Skriba, A.S. & Altukhov, A.O. (2019). The EU — Russia Geopolitical Contradictions and Participation of the Post-Soviet States in Regional Economic Integration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12 (2), 51—70. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70
- Skriba, A.S. (2014). Challenges of Eurasian Integration after the Ukrainian Crisis. *International Organisations Research Journal*, 9 (3), 96—111. (In Russian).
- Tolkachev, V.V. & Chalbaeva, A.A. (2015). Prospects for the Development of Integration Associations in the Post-Soviet Space: Experience of the Customs Union of Russia, Belarus, Kazakhstan. *Molodoj uchenyj*, 2, 428—432. (In Russian).
- Vinokurov, E. (2017). Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results. *Russian Journal of Economics*, 3 (1), 54—70. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.02.004
- Zhuravleva, G.P. & Tutaeva, D.R. (2018). The Eurasian Economic Union as a New Stage of International Integration. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4 (100), 190—196. (In Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2018-4-190-196
- Ziyadullaev, N.S. & Ziyadullaev, S.N. (2016). The CIS and the Eurasian Economic Union: History, Modernity, Development Strategies. *Market Economy Problems*, 2, 55—63. (In Russian).

Сведения об авторах: *Белашченко Дмитрий Александрович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru).

Толкачев Виталий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: tolkatchev_v@mail.ru).

Шоджонов Имомидин Фозилович — ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: shodzhonov@inbox.ru).

About the authors: *Belashchenko Dmitriy Aleksandrovich* — PhD in History, Associate Professor, the Department of History and Theory of International Relations, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University (e-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru).

Tolkachev Vitalij Valer'evich — PhD in History, Associate Professor, the Department of Global Diplomacy and International Law, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University (e-mail: tolkatchev_v@mail.ru).

Shodzhonov Imomidin Fozilovich — Assistant, the Department of Region Studies of Foreign Countries and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University (e-mail: shodzhonov@inbox.ru).